

Вера Каплан

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ИДЕЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)*

Одним из лучших средств для распространения исторических знаний, несомненно, служит постоянное напоминание о местах славных исторических событий. Но на Руси так водится, что исторические места как бы нарочно замалчиваются и узнать о них можно путем не всем доступных справок. Так, о знаменитом Куликовом поле, лежащем в 20 верстах к северу от станции Куркино Рязанско-Уральской железной дороги ничто не напоминает тем миллионам пассажиров, которые проезжают по железной дороге и могут вдали видеть из окна вагона верхушку поставленной на «Красном холме» колонны. Между тем, у этих пассажиров так легко пробудить интерес к историческому месту. Стоит только переименовать станцию Куркино в «Куликово поле». Тогда о знаменитом историческом месте железнодорожные служащие будут в силу своих обязанностей постоянно напоминать проезжающим пассажирам при каждом подходе поезда к станции. Переименование станции Куркино в «Куликово поле» не сопряжено с большими расходами и, несомненно, Министр Путей Сообщения, как русский человек, любящий родную историю, окажет этому делу содействие, если Общество Ревнителей Русского Исторического Просвещения признает возможным возбудить этот вопрос¹.

Письмо это было послано совету одного из многочисленных исторических обществ, существовавших в начале XX века в России. Совет Общества счел мысль «прекрасной», и делу был дан ход: в 1911 году станция Куркино была переименована в станцию Куликово поле². В этом небольшом, но примечательном эпизоде обращает на себя внимание роль, которая отводится в распространении знаний о прошлом добровольному объединению: Общество ревнителей русского исторического просвещения оказывается «инстанцией», способной взять на себя инициативу пробуждения интереса к прошлому у «массовой аудитории» пассажиров железных дорог.

---

*This research was supported by THE ISRAEL SCIENCE FOUNDATION (grant № 134/09).

¹ Г. Каменский, С.-Петербург, 17 февраля 1910 года // РГИА. Ф. 747 (Общество ревнителей русского исторического просвещения) Оп. 1. Д. 72. Л. 18.

² Там же. Л. 19–20.

Действительно, активная роль исторических обществ в распространении знаний и формировании представлений о прошлом являлась характерной особенностью исторической культуры дореволюционной России. Следуя принципу, заложенному в основу создания «первого ученого общества империи» — Императорской академии наук, возникшей, в противоположность европейским образцам, как исследовательское и образовательное учреждение одновременно, просветительские задачи ставили перед собой уже самые ранние российские исторические общества. Первое из известных нам образований такого рода — Вольное историческое для архангелогородских древностей собрание, возникшее в 1759 году, видело свою цель — сбор документов, «прежнюю историю изъясняющих», — в «просвещении граждан полезнейшими знаниями»³. Систематизацией сведений о прошлом России должно было заниматься основанное в 1783 году Екатериной II Историческое собрание, представлявшее собой, по определению В.О. Ключевского, «переходную форму от правительственного учреждения к частному обществу»; «совокупные труды» этого собрания впоследствии предполагалось опубликовать⁴. Цель «приведения в ясность Российской Истории» ставило перед собой основанное в 1805 году при Московском университете Общество истории и древностей российских. Оно намечало задачи «скорейшего и вернейшего» издания русских летописей, а также «обнародование замечаний на всякие нелепые сочинения, до Российской Империи касающиеся»⁵. Задачей возникшего в 1866 году Русского исторического общества являлись сбор, «обработка» и распространение материалов и документов по отечественной истории⁶. Вопросы преподавания и теоретического освоения истории обсуждались в исторических обществах при Санкт-Петербургском и Московском университетах⁷. Рубеж XIX и XX веков ознаменовался новым явлением в развитии исторических обществ, а именно возникновением историко-просветительных объединений, выдвигав-

³ Краткая история о городе Архангельском сочинена Архангелогородским гражданином Василием Крестининым. СПб., 1792. С. 243.

⁴ Ключевский В.О. Юбилей Общества истории и древностей российских // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения, М., 1983. С. 191; Моисеева Г.Н. Слово о полку Игореве и Екатерина II // XVIII век. Сб. 18 / Н.Д. Кочеткова (отв. ред.). СПб., 1993. С. 9.

⁵ Устав Общества Истории и Древностей Российских, утвержденный февраля 11 дня, 1811 года, М., 1811. С. 4.

⁶ Устав русского исторического общества. СПб., 1866. С. 3.

⁷ Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987. С. 72; Устав исторического общества при императорском Санкт-Петербургском Университете. СПб., 1889. С. 3. Отчет о состоянии и деятельности Исторического Общества при императорском С.-Петербургском Университете в 1890 году. СПб., 1890. С. 54.

ших образовательные задачи на первый план и стремившихся сочетать в своей практике научность и массовость. Появление союзов такого рода отражало общую тенденцию активизации культурно-просветительской деятельности ученых обществ, что отмечается как в работах по истории науки, так и в исследованиях добровольных ассоциаций (voluntary associations)⁸. Одним из первых историко-просветительных обществ было Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, основанное в 1895 году. Позднее появился еще ряд добровольных объединений «ревнителей» и «любителей» истории, сформировалась сеть военно-исторических кружков, возникли также общества «ознакомления с историческими событиями России» и «любителей старины». В то же время в конце 1880–1890-х годов открываются исторические отделы общеобразовательных обществ — наиболее авторитетными среди них были историческое отделение Педагогического общества при Московском университете и историческая комиссия при учебном отделе Общества по распространению технических знаний⁹. Некоторые видные историки участвовали в деятельности комиссии по организации домашнего чтения этого же Общества: в создании этой комиссии большую роль сыграл П.Н. Милюков, а под ее скромным названием действовал общероссийский проект по разработке программ самообразования в объемах университетских курсов¹⁰.

С точки зрения истории культурно-просветительской деятельности новые исторические общества становились частью широкого общественного движения по развитию внешкольного образования¹¹. В то же время для историко-просветительских обществ была характерна более явная политизация деятельности: идентифицировавшиеся как «либеральные» или «консервативные», общества разделялись по их принадлежности на

---

⁸ *Vusinich A.* Science in Russian Culture, 1861–1917. Stanford, 1970; *Hachten E.A.* In Service to Science and Society: Scientists and the Public in Late Nineteenth Century Russia // *Osiris*. 2nd Series: Science and Civil Society. 2002. Vol. 17. P. 171–209; *Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society. Cambridge (MA), 2009. P. 15.

⁹ Об исторических комиссиях образовательных обществ см. Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. С. 73, 77; обзор деятельности образовательных обществ содержится в статьях: *Bradley J.* Pictures at an Exhibition: Science, Patriotism, and Civil Society in Imperial Russia // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67. No. 4. P. 938–939; *Туманова А.С.* Общественные организации и их роль в формировании социально-культурной среды русского дореволюционного города / *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков: материалы междунар. colloquiuma (Санкт-Петербург, 14–17 июня 2004 года)*. СПб., 2009. С. 394.

¹⁰ *Кизеветтер А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. Прага, 1929. С. 289.

¹¹ *Чарнолуцкий В.И.* Основные вопросы организации внешкольного образования в России. СПб., 1909.

правый или левый политический лагерь. Идеологическая поляризация историко-просветительских объединений была связана с ростом общественного интереса к изучению прошлого, политизацией истории как профессии и особенностями институционального статуса добровольных ассоциаций. Более существенным фактором, однако, являлась специфика самого исторического знания — его нарративный характер. Ежи Топольски, предложивший в одной из своих теоретических статей модель исторического повествования, подчеркивал наличие в его структуре теоретико-идеологической (определяемой им также в качестве «политической») основы. Последняя, согласно его модели, влияет на «инструментарий убеждения» («риторику») и набор фактической информации в историческом тексте. В структуре «большого нарратива» Топольски выделял элементы «нарративного целого» (narrative wholes) — составляющие его «истории». Становясь частью «большого нарратива», каждая из таких конкретных «историй», согласно его модели, приобретает новые смыслы («every single statement acquires more and more meaning») ¹².

Идеологическая ориентация историко-просветительских обществ влияла на определение их тематических интересов. В то время как консервативное Общество ревнителей исторического просвещения проводило конкурсы работ об исторической роли Александра III, заслугой которого его руководство считало прекращение реформ («господствовавшей двадцать пять лет смуты»), либеральная историческая комиссия при учебном отделе Общества по распространению технических знаний готовила юбилейное издание «Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», призванное подчеркнуть историческое значение начатых отменой крепостного права реформ 1860–1870-х.

С точки зрения институционального статус «частных обществ» и отсутствие характерных для академических институций корпоративных ограничений позволяли большую, по сравнению с государственными историческими комитетами и комиссиями, свободу в выборе направлений деятель-

---

¹² *Topolski J.* The Role of Logic and Aesthetics in Constructing Narrative Wholes in Historiography // *History and Theory*. 1999. Vol. 38. No. 2. P. 201–202. Основы теории исторического нарратива изложены в исследованиях: *White H.* Tropics of Discourse: Essay in Cultural Criticism / Baltimore, 1985; *White H.* The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore; L., 1987; *Ankersmit F.R.* Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language. The Hague, 1983; *Ankersmit F.R.* History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. Berkeley, 1994; *Ankersmit F.R.* Historical Representation. Stanford, 2002. Сравнительный анализ различных теорий исторического нарратива содержится в статье: *Lorenz C.* Can Histories be True? Narrativism, Positivism and the «Metaphorical Turn» // *History and Theory*. 1998. Vol. 37. No. 3. P. 309–329. Семиотический подход к проблеме исторического нарратива развивал Ю.М. Лотман, см.: *Lotman Y.M.* Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. L., 1990.

ности, и предопределяли бо́льшую «включенность» исторических обществ в динамику общественной и политической жизни. Не являясь академическими учреждениями, частные добровольные исторические общества обладали отмеченной Томасом Сандерсом возможностью «усваивать» политические и социальные интерпретации, отражающие точки зрения различных групп населения империи¹³. Исторические общества, таким образом, выполняли функцию институтов, в рамках которых формировались конкурирующие нарративы национального прошлого, «транслировавшиеся» затем в практиках исторического просвещения. Парадоксальность ситуации, как показывает в своих работах Ричард Вортман, заключалась в том, что новым и анти-традиционалистским для конца XIX века являлся именно консервативный исторический нарратив, характеризовавшийся отказом от складывавшегося с петровских времен идеала европеизации России и отрицанием этоса либеральных реформ¹⁴. Радикальностью «консервативного поворота», предлагавшего под видом возвращения к традиционной идее самодержавия новую концепцию исторического развития России, можно, по-видимому, объяснить факт возникновения в конце XIX — начале XX века целого ряда историко-просветительских обществ консервативной ориентации. Независимо от того, насаждались ли эти общества правительством или создавались по инициативе снизу, они составляли существенный, но остававшийся большей частью «невидимым» для современных исследователей элемент культурно-просветительского движения. Наибольший интерес с этой точки зрения представляет уже упоминавшееся Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, существовавшее в период с 1895 по 1918 год; анализ его деятельности позволяет поставить вопрос о роли консервативных просветительских обществ в формировании исторического нарратива монархии в последние десятилетия ее существования.

«В понятие об историческом просвещении включается все, что нам нужно...»

Инициатива создания Общества ревнителей принадлежала известному поэту, члену-корреспонденту Академии наук, а с 1895 года — начальнику личной канцелярии вдовствующей императрицы Марии Федоровны графу

¹³ Sanders T. Introduction: A Most Narrow Present // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State*. Armonk, 1999. P. 3.

¹⁴ Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ / RUSSIA*. Вып. 3(11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М., 1999. С. 233–244.

The payment and the completed form should be sent by **13th November 2011** to:

Alex Marshall
History (Modern Area)
Glasgow University, Glasgow
G12 8QQ
United Kingdom

Tel : 0141 330 8581
Email: Alexander.Marshall@glasgow.ac.uk

Часть II. Историческое сознание

А.А. Голенищеву-Кутузову¹⁵. Он же предложил и название Общества: «Что Вы скажете о названии: „Общество распространения исторического просвещения“? — писал Голенищев-Кутузов будущему бессменному председателю Общества С.Д. Шереметеву. — Было бы очень хорошо, если бы в оном можно было прибавить: „Александровское Общество“. В понятие об историческом просвещении включается все, что нам нужно»¹⁶. Как следует из переписки Голенищева-Кутузова с соучредителями Общества (в их число входили будущий министр внутренних дел Д.С. Сипягин, редактор журнала «Церковные Ведомости» протоиерей П.А. Смирнов и ведущий петербургский историк К.Н. Бестужев-Рюмин), а также из подготовленных им документов — устава и «Записки об основаниях и способах деятельности общества ревнителей» — само понятие исторического просвещения формулировалось инициаторами прежде всего политически¹⁷. Общество, задуманное как институт увековечивания памяти Александра III, ставило перед собой задачу «умножения и распространения знаний по отечественной истории в духе русских начал, проявленных в славное царствование в Бозе почившего Государя»¹⁸. Ключевая для «ревнителей» концепция «русских начал» основывалась на традиционной уваровской триаде самодержавия, православия и народности, но интерпретировалась ими в контексте более современных взглядов К.П. Победоносцева и Л.А. Тихомирова (последний стал в 1896 году членом Общества). Теория «официальной народности» являлась, по определению Вортмана, «попыткой такого объединения национальных концептов и западных форм, которое позволило бы сохранить миф об императоре-европейце». В отличие от принципа «официальной народности» идеологи самодержавия конца XIX века формулировали идею царской власти как «квинтэссенции национального духа» и подчеркивали «отдельность» русского самодержавия от монархий западноевропейского

¹⁵ О Голенищеве-Кутузове см: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. IX. СПб., 1893. С. 43; Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. II. СПб., 1910. О роли Голенищева-Кутузова в создании Общества ревнителей см.: Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 3 / К.А. Вах, Л.И. Шохин (сост.). М., 2005. С. 397–403. Текст «Записки» Голенищева-Кутузова был опубликован в первом номере «Известий» Общества (см.: От редакции // Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III [далее — ИОРРИП]. 1900. № 1. С. 3–6).

¹⁶ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы. Личный архив С.Д. Шереметева) Оп. 1. Д. 411. Л. 13 об.

¹⁷ См. состав членов-учредителей общества: Список членов Общества Ревнителей Русского Исторического Просвещения в память Императора Александра III [далее — ОРРИП] // ИОРРИП. 1900. № 2. С. 22.

¹⁸ Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1904. С. 1.

типа¹⁹. В соответствии с таким подходом, народность рассматривалась в программных документах «ревнителей» как национальная самобытность, а времена правления Александра III — как новый период русской истории, характеризовавшийся проявлением этой самобытности. В «Записке» Голенищева-Кутузова Александр III сравнивался с Иваном III и Петром I. В то время как с Ивана III, говорилось в документе, началась история самодержавия, а с правления Петра I — сближение России с европейским просвещением, Александр III открыл эпоху расцвета русского национального самосознания²⁰. Главным критерием различия между петровским и александровским временами, таким образом, провозглашалось отношение к просвещению. В то время как Петр I начал период усвоения Россией европейского просвещения, утверждалось в «Записке», Александр III завершил его, и русский народ,

претворив в себе все те начала западного просвещения, которые были ему нужны для создания государства, вступил на поприще всемирной истории во всеоружии самостоятельности и самобытности.

Но Александр III, согласно «Записке», сделал только первые шаги в формировании российской самобытности, так же как в свое время Иван III и Петр I только начали движение в выбранном ими направлении. Однако, если для завершения начатого Иваном III и Петром I требовалась государственная деятельность, то продолжать дело Александра III, полагали ревнители, должно общество в широком смысле слова. Такой вывод объяснялся учредителями этой организации необходимостью деятельности «в области умственной и нравственной, ускользающей от прямого воздействия государственной власти и силы» и требующей участия общественных сил, добровольно и сознательно «сплотившихся под хоругвью русского народного самосознания»²¹. С инициативой сплочения общественных сил для «мирного завоевания умов и сердец силою просвещения» и выступали ревнители. «Более чем когда-либо желательно сближение русских людей, дорожащих самобытностью и самостоятельностью своего отечества», — писал С.Д. Шереметев Я.И. Шаховскому в марте 1896 года, сообщая о готовящемся первом общем собрании Общества, а Голенищев-Кутузов в письме Шереметеву подчеркивал необходимость придания Обществу характера «союза и притом союза совершенно частного»²².

¹⁹ Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии. С. 233, 238.

²⁰ От редакции. С. 3.

²¹ Там же.

²² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4126. Л. 1-1 об; Там же. Д. 411. Л. 31 об.

Присваивая общественным силам ведущую роль в выполнении задач исторического просвещения, консервативно настроенные «ревнители» парадоксальным образом подвергали сомнению приоритет государства в важнейшей сфере образовательной политики — неудивительно, что в момент появления Общества возникли слухи о его «неблагонадежности»²³. Концепция общественных сил у ревнителей была, однако, направлена не против правительства, а против интеллигенции, которая представлялась им носителем «чуждых идеалов». В серии писем, направленных Шереметевым потенциальным членам Общества, необходимость объединения связывалась с участием «в борьбе с враждебными силами, большею частью сплоченными»²⁴. Историческое просвещение, таким образом, превращалось ревнителями в сферу борьбы «истинно русских» и «антинациональных» общественных сил, а политическая цель Общества формулировалась Голенищевым-Кутузовым в одном из писем следующим образом:

Нужно доказать, не посредством диалектической полемики, а научно, на основании твердых исторических фактов, как дважды два четыре, что космополитизм обманно и притворно поднимает соблазнительное для толпы знамя свободы, призрачность которой обличается всей современной Европой, и что, напротив, торжество и воплощение русской государственной идеи самодержавия, как это блистательно доказало царствование Александра III, только и обеспечивает как всему народу и его совокупности, так и каждой отдельной личности наибольшую долю свободы, спокойствия и благосостояния, какая возможна на земле²⁵.

Характерная для такой постановки цели антилиберальная направленность особенно четко формулировалась в оставшейся, по-видимому, неопубликованной статье об Обществе, которая сохранилась в его архивном фонде. В этом недатированном и неподписанном документе распространение исторических знаний рассматривалось в контексте противопоставления консерватизма и либерализма. Изучение прошлого, согласно статье, должно было служить задаче «ограждения» молодежи «от вредных и бессмысленных влияний фальшивого, ничего общего не имеющего с историческими преданиями России либерального направления», а консерватизм характеризовался как «любовь к родине не такой, какая она воображаема в своих умозаключениях, а таковой какая она на самом деле есть вследствие

²³ Там же. Д. 1754. Л. 20 об.

²⁴ Там же. Д. 4126. Л. 3. О феномене враждебности к интеллигенции в определенных кругах российского образованного общества см.: Колоницкий Б.И. Идентификация российской интеллигенции и интеллигентофобия // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 150–170.

²⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 411. Л. 7 об.-8.

своего исторического прошлого, характера и религии народа и прочих условий прогресса»²⁶. Прогресс при этом связывался «с развитием тех истин, которыми располагает государственная и народная жизнь страны» — для России ими, с точки зрения автора статьи, являлись православие и самодержавие. Соответственно, в документах ревнителей подчеркивался религиозный аспект их будущей деятельности: «русское историческое просвещение будет в тоже время духовным просвещением вообще», — писал Шереметеву Голенищев-Кутузов во время работы над уставом²⁷.

Формулируя идею исторического просвещения прежде всего политически, основатели Общества в то же время связывали ее с идеалом научности. «Научность» предполагала *изучение* русской истории, и именно эта задача выдвигалась на первый план уставом Общества. Членам объединения предлагалось «собирать и обрабатывать сведения о царствовании императора Александра III», материалы по русской истории, а также по «соприкасающимся с нею отделами истории всеобщей, а также по церковным, правовым и бытовым вопросам»²⁸. Стремясь укрепить научный статус Общества, инициаторы его создания стремились привлечь к своей деятельности академических ученых (одним из соучредителей, напомним, являлся известный историк К.Н. Бестужев-Рюмин. Как следует из писем А.А. Голенищева-Кутузова, весной 1895 года обсуждалась возможность приглашения в качестве соучредителя В.О. Ключевского; его кандидатура, однако, была найдена «не совсем удобной»²⁹. Первым председателем исторического отделения Общества был избран декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета И.В. Помяловский, его преемником стал Н.Д. Чечулин, вступивший в Общество в январе 1896 года; в 1901 году в совет Общества был избран и С.Ф. Платонов³⁰. Присоединение к Обществу университетских историков усиливало аспект «науки», но не уменьшало удельный вес «политики» в концепции и практике исторического просвещения: *modus vivendi* сообщества академических историков был насыщен политикой не в меньшей степени, чем деятельность просветительских обществ. Платонов в письме к Шереметеву пишет об осуждении его учебника «левой критикой»; Ки-

²⁶ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–4.

²⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 411. Л. 19 об.

²⁸ Устав ОРРИП. С. 1–2.

²⁹ «Ключевский, как возбуждавший много толков в последнее время был бы может быть на первое время (подчеркнуто в оригинале. — В.К.) не совсем удобен (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 411. Л. 17).

³⁰ Список членов совета ОРРИП // ИОРРИП. 1902. № 4. С. 50–51; Отчет ОРРИП за 1901–1902 год // ИОРРИП. 1904. № 5. С. 2, 6.

зеветтер рассказывает в воспоминаниях о том, как в московском университете был освистан Ключевский, выступивший с хвалебной речью Александру III³¹. Более того, как показывает в своем исследовании Томас Сандерс, общественный резонанс и политический смысл приобретают такие специфические для академической практики события, как защиты диссертаций. В качестве примера Т. Сандерс анализирует защиту Н.Д. Чечулина, принявшую характер публичного скандала из-за проявившегося в ходе обсуждения столкновения политических взглядов диссертанта, оппонентов и рецензентов³². Стоит заметить, что защита Чечулина происходила в декабре 1896 года, т.е. в то время, когда он уже стал «ревнителем»³³. Повлиял ли этот факт на остроту развернувшейся в ходе защиты полемики? Влияло ли вообще членство в Обществе ревнителей русского исторического просвещения на академический статус его членов? По-видимому, ответ может быть утвердительным: об этом свидетельствует дальнейшая судьба Чечулина. В том же 1896 году он оставил неблагоприятно складывавшуюся университетскую карьеру и перешел на более спокойную, но значительно менее престижную должность помощника библиотекаря Императорской публичной библиотеки. Членство в Обществе ревнителей, где Чечулин возглавлял сначала издательское, а затем, с 1901 по 1915 год, историческое отделение, открыло для него возможность альтернативной научной карьеры и обеспечило поддержку председателя Общества — влиятельного графа Шереметева — в официальном карьерном продвижении по службе в министерстве народного просвещения³⁴. В то же время идентификация с Обществом, открыто подчеркивавшим политический характер своих целей, по-видимому, входила в определенное противоречие с идеалом пре-

³¹ «Завтра я вышлю Вам первую часть моего “Учебника” в надежде услышать Ваш отзыв о ее пригодности с точки зрения “государственной истории”. Левая критика уже осудила меня за эту книгу» (Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: в 2 т. / С.О. Шмидт (отв. ред.). М., 2003. Т. 1. С. 130); *Кизеветтер А.* На рубеже двух столетий. С. 197.

³² *Sanders T.* The Chechulin Affair or Politics and «nauka» in the History Profession of Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. Bd. 49. H. 1. S. 1–23 (см. также его статью в настоящей книге, с. 000–000).

³³ Список членов совета ОРРИП // ИОРРИП. 1900. № 2. С. 31.

³⁴ В 1915 году Н.Д. Чечулин был назначен попечителем Виленского учебного округа, а в январе 1917 года обратился к графу Шереметеву с просьбой содействовать его переходу на должность попечителя столичного округа, см.: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 898. Л. 57–57 об., 64–65. Биография Чечулина освещается в публикациях: *Вахтина П.Л., Острой О.С.* Николай Дмитриевич Чечулин и его книга // Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2009; *Грин Ц.И.* Чечулин Николай Дмитриевич // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь: в 3 т.* СПб., 1995. Т. 1. С. 566. Я благодарю В.Е. Кельнера, обратившего мое внимание на публикацию П.Л. Вахтиной и О.С. Острой.

данности науке, на котором основывался статус академической элиты. Так, Платонов, выбранный прямо в день своего вступления в Общество членом его совета, спустя всего два года, в ноябре 1903 года, сообщил о своем намерении отказаться от этого поста, причем, как следует из письма чрезвычайно огорченного этим решением Шереметева, поступок был связан с «убеждениями» Платонова и его взглядами «на известную деятельность» Общества и некоторых его членов³⁵.

Взаимодействие «науки» и «политики» в вопросе о членстве в Обществе касалось не только историков. В руководство Общества входили такие влиятельные при дворе фигуры, как товарищ министра, а затем и министр внутренних дел Д.С. Сипягин, комендант императорских дворцов П.П. Гессе и церемониймейстер двора князь С.Д. Горчаков. Существовала ли связь между их членством в Обществе и определенной «историзацией» властных практик первых лет XX столетия? Известный историк А.А. Кизеветтер в своих воспоминаниях связывает изменение общего стиля государственной политики с назначением в 1900 году ревнителя Сипягина министром внутренних дел. Саркастическое описание этого явления приводится в его воспоминаниях:

Предоставление поместному дворянству привилегированного положения во всех отраслях государственной жизни и подчинение ему, как руководящему классу, всех остальных слоев и групп населения было объявлено теперь исторической особенностью русского национального жизненного строя. Политике «контрреформ» теперь старались придать характер возвращения к национальным заветам допетровской московской старины... Либеральные бредни были объявлены наносной из чужих земель проказой, а ретроградная политика — русской старозаветной мудростью³⁶.

При Сипягине, писал Кизеветтер, вошли в моду «археологические маскарады», на которых «государь появлялся в костюме царя Алексея Михайловича, царская семья, великие князья, придворные чины — в костюмах XVII столетия», а сам Сипягин выступал в виде «ближнего боярина». Как показывает в своем фундаментальном исследовании Ричард Вортман, изменения в стиле репрезентации власти, которые Кизеветтер связывал с периодом министерства Сипягина, начались еще в 1880-х годах: следовательно, ревнители использовали элементы уже сложившегося архаизированного образа монархии³⁷. Придавая этому образу научную легитимность, ревнители укрепляли идеологическую основу консервативной версии мо-

³⁵ ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 4616. Л. 30, 51.

³⁶ Кизеветтер А. На рубеже двух столетий. С. 320–321.

³⁷ Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2000. P. 235–270.

нархического нарратива. В то же время постановка задачи изучения «заветов царя-миротворца» позволяла расширять тематический спектр этого нарратива. Этот аспект ученой деятельности ревнителей тонко отметил Чечулин в обращении к историческому отделению Общества.

Различными сторонами своей деятельности покойный государь охватывал всю жизнь русского народа, он явился выразителем извечных его идеалов, и вместе с тем оставил заветы, исполнение которых составляет задачу будущего. Поэтому, достойным служением имени покойного Государя будет изучение истории России вообще со всех сторон, лишь бы изучение это было одушевлено любовью к России и истине³⁸.

Связывая изучение истории с *распространением* знаний о прошлом, ревнители ставили перед собой сложную задачу соединения научности и общедоступности.

«Расширять круг лиц, участвующих в Обществе...»

В интерпретации ревнителей принцип общедоступности предполагал прежде всего открытость членства в Обществе. Действительно, в Общество входили на условиях формального равенства историки, журналисты, придворные сановники, чиновники правительственных ведомств, иерархи церкви и многочисленные сельские священники. В 1900 году в Обществе ревнителей было 946 членов, а два года спустя его численность увеличилась до 1166 человек (для сравнения, Императорское русское историческое общество насчитывало в 1912 году 29 действительных и 5 почетных членов)³⁹. Участие в Обществе носило активный характер: каждый из его действительных членов имел возможность «приписаться» к одному из трех отделений — издательскому, историческому или исполнительному (в ведении последнего находились библиотеки Общества) — и тем самым участвовать в его деятельности. С 1897 года началось создание местных отделов Общества — первоначально в Бежецке и Москве, затем, в 1898-м, в Подольске и Серпухове, в 1899-м в Туле и Вильно, в 1900-м в Томске и Тифлисе, в 1902 году в Киеве⁴⁰. Совет Общества призывал местные отделы «расширять круг лиц, участвующих в Обществе, обращаясь к тем, от ко-

³⁸ Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 7.

³⁹ Состав Императорского Русского исторического общества. 12 марта 1912. [Б\м., б\д.]. С. 1–7; Отчет ОРРИП за 1900–1901 год // ИОРРИП. 1902. № 4. С. 2; Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 2; Список членов ОРРИП... С. 22–36.

⁴⁰ Отчет ОРРИП за 1898–9 год. СПб., 1899. С. 8; Протокол заседания совета ОРРИП 14 мая 1900 года // ИОРРИП. 1900. № 2. С. 3–4; Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 16.

торых можно ожидать содействия и сочувствия его целям»⁴¹. Кроме того, ревнители стремились к привлечению «литературных сил», не связанных с Обществом организационно. С этой целью первоначально предполагалось учреждать премии за исторические работы, признанные лучшими и «наиболее отвечающими основной задаче общества», а затем, в 1899 году, было принято решение проводить конкурсы «исторических сочинений», посвященных периоду Александра III⁴². Одновременно Обществом был создан особый фонд для выдачи премии «за составление учебника по русской истории», а его томское отделение объявило об установлении своей собственной премии «за лучший учебник для деревенской школы грамоты в духе русских начал»⁴³. Участие в конкурсах не ограничивалось предварительными условиями, но «правила о премиях» устанавливали критерии оценки конкурсных работы. Представленные сочинения должны были быть «обработаны строго научно, изложены беспристрастно и спокойно, но притом так, чтобы они оказались доступными не только специалистам по известной отрасли знаний, но и широкому кругу читателей». Общество оставляло за собой право издавать награжденные работы в том случае, если они в течение года после конкурса не были опубликованы самим автором. Что более существенно, в правилах оговаривалось «преимущественное право на награждение» для сочинений, в которых разрабатывались бы рекомендованные Обществом темы⁴⁴. В перечень последних входили прежде всего сюжеты, связанные с биографией Александра III; кроме того, вниманию будущих авторов предлагались вопросы, отражающие политические приоритеты ревнителей, такие как «восстановление и укрепление сословного начала в государственной жизни России» и «религиозная жизнь русского народа». В то же время конкурсная программа Общества включала спектр тем, связанных с изучением социально-политических и культурных аспектов недавнего прошлого, включая развитие народного образования и русского искусства; предлагалась также отдельная тема по истории Сибирской железной дороги⁴⁵.

Были ли конкурсы Общества результативны? Совет Общества признал достойными отличия лишь немногие из представленных на них «сочине-

---

⁴¹ Очерк главных оснований деятельности местных отделов Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1900. С. 8–9.

⁴² РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 28. Л. 13; Деятельность Общества в 1898–9 году // ИОРРИП. 1900. № 1. С. 17–18.

⁴³ Отчет ОРРИП за 1899–1900 год // ИОРРИП. 1901. № 3. С. 9; Отчет о движении сумм Общества с 1 марта 1899 г. по 1 марта 1900 г. // Там же. С. 43.

⁴⁴ Деятельность Общества в 1898–1900 году. С. 17–18.

⁴⁵ Там же.

ний». Награждена была, в частности, книга священника К.Н. Королькова «Жизнь и царствование Императора Александра III» — в 1903 году ее автору была присуждена премия в 500 рублей⁴⁶. Безрезультатными оказались попытки подготовить учебник истории — ни один из представленных на соискание вариантов не удовлетворил историческое отделение Общества⁴⁷. В тоже время, система премий и возможность печатать работы под эгидой Общества ревнителей сделали это объединение центром притяжения для авторов, которых Шереметев определял как «исторических писателей». В их числе заметную часть составляли сельские священники — один из них, С.Д. Пospelов, представил Обществу сразу два своих труда: «Сказание об основании и устройстве Свято-Троицкой женской общины в Тарусском уезде Калужской епархии» и «О миссии русской женщины на почве общественной деятельности в духе православных начал»⁴⁸. Другой священник, И.И. Темногрудов, поставил издательское отделение Общества в весьма затруднительное положение, прислав свою автобиографию (не представлявшую, как писал в своем отзыве Н.Д. Чечулин, «решительно никакого интереса») и предложив Обществу купить право ее первого издания⁴⁹. Работы этих авторов не были приняты издательским отделением — система отзывов и рецензий, заимствованная ревнителями из академической практики, действовала в данном случае как механизм регуляции и отбора «историй», из которых складывался охранительный нарратив. Среди тех, чьи работы Общество не допустило к публикации, были, однако, не только неизвестные сельские батюшки, но и придворный историк С.С. Татищев. К Татищеву, написавшему ранее историю царствования Александра II и уже начавшему работать над историей жизни и правления Александра III, обратился в 1898 году с предложением издать его труд от «имени общества» сам его председатель Шереметев⁵⁰. Но подготовка книги затягивалась, между Шереметевым и Татищевым назревал конфликт, и характер отношений последнего с советом Общества менялся. В 1903 году Шереметев добился предоставления Обществу ревнителей особого права рассматривать и утверждать подготовленные Татищевым рукописи без их дальнейшего

⁴⁶ Корольков К. Жизнь и царствование Императора Александра III (1881–1894 гг.). Киев, 1901; ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4616. Л. 29. См. о награждении: Отчет ОРРИП за 1902–1903 год // ИОРРИП. 1904. № 5. С. 17.

⁴⁷ Обсуждение вопроса об издании учебника истории и учебника для деревенской школы грамоты см.: Отчет ОРРИП за 1898–9 год. С. 28; Деятельность отделений Общества за 1895–1899 года // ИОРРИП. 1900. № 1. С. 238; Отчет ОРРИП за 1899–1900 год. С. 6, 9; Отчет ОРРИП за 1900–1901 год // ИОРРИП. 1902. № 4. С. 10; Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 8.

⁴⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 28. Л. 81 об.

⁴⁹ Там же. Л. 56–63.

⁵⁰ РГИА. Ф. 873 (С.С. Татищев). Оп. 1. Д. 74. Л. 3.

«цензирования» [так в тексте] министерством императорского двора⁵¹. От отзыва Общества на рукопись Татищева зависела теперь дальнейшая судьба его труда — и отзыв этот, написанный Шереметевым, был отрицательным. В результате Татищеву было разрешено продолжать работу, министерство двора выделило ему щедрое (в 12 000 рублей) вознаграждение за труд, но одновременно поставило в известность о том, что публикация его книги признана «преждевременной»⁵². В «Известиях» Общества ревнителей, между тем, было напечатано «Предисловие к биографии Императора Александра III», написанное орловским краеведом В.Н. Лясковским, где подчеркивалась важность составления не истории, а биографии Александра III: «Придет пора — история истолкует нам Царя; дело биографии — изобразить человека; эта задача несравненно уже, но зато она исполнима теперь и только теперь...»⁵³. Используя статус частного, но тесно связанного с центральными институтами власти *добровольного союза*, и манипулируя требованиями научности и общедоступности, ревнители расширяли круг сотрудников Общества, но одновременно строго контролировали состав тех, кто допускался к созданию образа монархии и монарха.

Конкурсные программы Общества и динамика конфликта с Татищевым свидетельствовали о том, что, предлагая изучать правление Александра III как новый период русской истории, ревнители вносили в консервативный нарратив определенный элемент модернизации. Тенденция к модернизации проявлялась особенно явно в концепции периодического сборника Общества «Старина и Новизна», в каждом из томов которого должны были затрагиваться также «современные вопросы»⁵⁴. Отведение специального раздела материалам, связанным с личностью Александра III, еще более увеличивало долю публикаций, связанных с историей недавнего прошлого. Период правления Александра III приобретал черты современности, а само объединение — статус исторического общества, занимавшегося изучением новейшей истории. Укреплению этого статуса служило создание «особого исторического архива общества» для сбора материалов о времени царствования Александра III⁵⁵. В процессе комплектации архива формировался еще один, значительно более широкий круг участвующих в деятельности Общества. Как следует из списков поступавших документов, часть из них передавалась ревнителям правительственными ведомствами, а некоторые

⁵¹ Там же. Д. 73. Л. 1.

⁵² Там же. Л. 3–3 об.

⁵³ Ляковский В. Предисловие к биографии Императора Александра III-го // ИОРРИП 1901. № 3. С. 17.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4141. Л. 1, 7 об.

⁵⁵ Деятельность отделений Общества за 1895–1899 года. С. 22.

материалы поступали непосредственно от вдовствующей императрицы Марии Федоровны и Николая II⁵⁶. Большую часть поступлений, однако, составляли материалы из частных архивов дворянских семей. Именно материалам такого рода отдавалось предпочтение при подготовке сборников «Старины и Новизны». Публикация исторических мемуаров и дневников соответствовала концепции сборника — в нем предполагалось, прежде всего, освещать вопросы «бытовой старины», «истории общественности и культуры» и «умственной жизни русского общества»⁵⁷. Кроме того, ревнители придавали «национально-воспитательное» значение самому факту издания документов. «В обществе, уже достигшем умственной зрелости, документальное историческое чтение естественно пользуется особенною любовью, и это понятно: в нем общество находит способы наиболее самостоятельного прямого ознакомления с судьбами своей страны», — писали «Известия» ревнителей о первых выпусках «Старины и Новизны». Это «живое знание», утверждалось в обзоре, — «лучшее условие крепкого, здорового консерватизма, для которого прошлое и будущее соединяются с настоящим в одно осмысленное целое»⁵⁸.

Существенным был сам процесс сбора и публикации документов — его участники в той или иной степени становились создателями, персонажами и «читателями» возникающего повествования. В итоге складывалась ситуация, которую Фредерик Корни назвал лучшим сценарием для формирования нарратива, «когда слушатель становится рассказчиком, пересказывая основные элементы основополагающего рассказа»⁵⁹. Документальность придавала нарративу ревнителей динамизм и эмоциональную напряженность.

Тщательность подготовки и высокий археографический уровень издания обеспечил «Старине и Новизне» авторитет в ученых кругах. Протоколы советов Общества регулярно отмечают поступление запросов о присылке сборников, исходящих от губернских комиссий и высших учебных заведений; последними, уже в феврале 1917 года, с подобными запросами обратились в Общество библиотека Харьковского университета, Высшие женские богословские курсы и лично ректор Петроградского университета⁶⁰. Успех сборников превращал их в важный канал популяризации создавав-

⁵⁶ Отчет ОРРИП за 1896–7 год. СПб., 1897. С. 3–4; Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 2.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4141. Л. 1, 7 об.

⁵⁸ А.В. Старина и новизна // ИОРРИП. 1900. № 2. С. 21.

⁵⁹ «Миф об основании успешен и действителен лишь до тех пор, пока способен включать в себя индивидуум. И при наиболее благоприятном сценарии слушатель сам становится повествователем, пересказывая основные элементы мифа об основании» (Corneý F.C. Telling October: Memory and the Making of Bolshevik Revolution. Ithaca, 2004. P. 4).

⁶⁰ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 12. Л. 13, 17, 17 об., 18, 22, 52.

шегося ревнителями идеального образа современной монархии, в которой национальная самобытность должна была сочетаться с возрожденным сословным началом, а политическое и культурное лидерство принадлежать дворянству.

Но, с точки зрения ревнителей, задача распространения исторических знаний могла быть решена только при условии, что их удастся донести народу. В марте 1900 года Шереметев писал новому члену совета Общества, начальнику главного управления по делам печати Н.В. Шаховскому:

Наше общество имеет двоякую цель: воздействуя на народ, ради ограждения его от заразы, оно в то же время не только должно заслужить уважение образованного слоя (конечно и лиц противных убеждений), но равномерно стремиться занять такое положение, которое вынудило бы с ним считаться в лучшем значении этого слова!⁶¹

В свою очередь, Шаховской использовал те же категории — «образованное общество» и «народ» — в докладе совету о главных направлениях практической деятельности ревнителей. Эти направления, по его мнению, должны были включать «издание книг и брошюр для образованного общества и для народа»; «составление библиотек для самообразования и народных»; «основание журналов и газет литературно-политических» и проведение «публичных лекций и народных чтений»⁶². Фокусом «народных» проектов «ревнителей» стало создание бесплатных библиотек, а идеологически сконструированная категория «народ» трансформировалась в их практике в синоним сословно-окрашенного понятия «крестьянство».

«...Дело, предпринятое нашим обществом в прямое пособие просвещению крестьянства»

Выдвигая задачу создания народных библиотек, ревнители объективно присоединялись к мощному общественному движению, инициированному в 1893 году Санкт-Петербургским комитетом грамотности и захватившему образовательные общества, земства, волостные и сельские крестьянские общины. О размахе движения свидетельствовал быстрый рост числа сельских библиотек: по данным В.П. Вахтерова, их количество, составлявшее в начале 90-х годов XIX века несколько десятков, выросло к 1896 году до 300⁶³. В 1898 году в 34 земских губерниях насчитывалось уже более 3000 на-

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 847 (Н.В. Шаховской). Оп. 1. Д. 184. Л. 3.

⁶² Отчет ОРРИП за 1899–1900 год. С. 4–5.

⁶³ Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 33.

родных библиотек, а к 1904 году их число выросло до 4500⁶⁴. Совет Общества ревнителей исторического просвещения принял решение приступить к учреждению собственных народных библиотек в январе 1897 года⁶⁵. Согласно статистике Общества, опубликованной до 1904 года, в период между 1898 и 1902 годами ревнителями была основана 81 библиотека в 16 губерниях. Почти все они открывались в деревнях — В.Н. Лясковский с воодушевлением писал о библиотеках Общества как о «первом по времени деле», принятом Обществом «в прямое пособие просвещению крестьянства»⁶⁶. Половина из общего числа — 40 библиотек — были открыты в 1898–1899 годах, т.е. в период, когда процесс создания народных библиотек шел особенно интенсивно и ревнители были его активными участниками. Ведущую роль в этом движении играли, однако, образовательные общества, видевшие в библиотеках средство обновления деревни. В соответствии со взглядами либеральных деятелей народного образования, библиотека, управляемая выборным коллегиальным советом (с участием представителей от земства, местной волости, сельских обществ, просветительских учреждений и читателей), должна была служить очагом того типа социального прогресса, против которого была направлена просветительская концепция ревнителей⁶⁷. Но, действуя под охранительными лозунгами, «ревнители» были заняты теми же поисками подходящей для российской деревни формы общедоступных сельских библиотек, что и либеральные идеологи библиотечного движения. И те, и другие ориентировались на грамотных крестьян, «сельскую публику», с характером которой нужно было считаться при издании предназначенной для народных библиотек литературы. Особенности восприятия крестьянских читателей объяснял членом совета Общества председатель его издательского отделения, И.П. Хрущов:

В охотниках читать из народа заметно стремление к истории, при этом, как приходится наблюдать, очерк событий исторических не по силам грамотника, не получившего среднего образования; напротив того, историческая личность как средоточие явлений, как живой тип героя или общественного деятеля, привлекает его внимание⁶⁸.

Сельский священник, активист Общества, предлагал использовать любимый народом жанр жизнеописания святых для «изображения попутно»

⁶⁴ *Stuart M.* «The Ennobling Illusion»: The Public Library Movement in Late Imperial Russia // *Slavonic and East European Review*. 1998. Vol. 76. No. 3. P. 411.

⁶⁵ Известия Общества ревнителей. 1900. № 1. С. 26.

⁶⁶ *Лясковский В.* О народных библиотеках // *ИОРРИП*. 1900. № 1. С. 80.

⁶⁷ *Чарнолуцкий В.* Основные вопросы организации внешкольного образования в России. СПб., 1909. С. 67.

⁶⁸ Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 7.

исторического хода «прошлой жизни», в первую очередь «всех важнейших, назидательных, и, следовательно, наиболее ценных в просветительно-воспитательном отношении событий»⁶⁹. Стремясь «развивать» народного читателя, консервативные ревнители, так же как и либеральные просветители из комитетов грамотности, пытались противостоять валу увлекавшей крестьян коммерческой литературы⁷⁰. Так, при обсуждении вопроса о публикации сборников исторических рассказов Общества подчеркивалось: издания, предназначенные для народных библиотек, «должны удовлетворять наиболее высоким запросам этого круга читателей, быть книгой для людей высшей грамотности». Составителям сборников предлагалось обратить главное внимание на удачный выбор материалов и «тщательную их обработку в отношении редакции, которая должна, с одной стороны, устранить все несущественное или недоступное пониманию читателей, а с другой стороны, дать необходимые для них пояснения». Предполагаемый сборник, полагал Хрущов, мог быть «привлекательной книгой» как для того, «кто читает с охотой жития святых и “Училище благочестия”», так и для того, «кто пристрастен к газетам»⁷¹. Опубликованные в 1905 и 1907 годах сборники исторических рассказов Общества включали тщательно подготовленные переложения глав из книг С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, а фрагменты сочинений одного из основателей Общества — К.Н. Бестужева-Рюмина соседствовали в них с отрывками из статей автора совершенно противоположного лагеря — лидера кадетов П.Н. Милюкова⁷².

На этом, однако, сходство между консервативными ревнителями и либеральными «просвещенцами» заканчивалось. Действуя как «общественная сила», ревнители не становились «общественностью»: основывая свои библиотеки, они противопоставляли идее обновления деревни задачу охранения традиционных устоев сельской жизни. Один из вариантов создания библиотек ревнителей был предложен С.А. Рачинским: он советовал открывать библиотеки при церковных школах, передавая надзор за ними местному священнику. Важным обстоятельством Рачинский считал существовавший порядок комплектования церковных библиотек («исключительно в духе Общества», писал он Шереметеву), при котором в них могла попасть книга «посредственная» или «простым читателям недоступная», но не могла

⁶⁹ Востоков В. Письмо сельского священника к членам ОРРИП // ИОРРИП. 1900. № 2. С. 11–12.

⁷⁰ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1961–1917. Princeton, 1985. P. 297.

⁷¹ Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 3, 7.

⁷² Сборник рассказов из русской и чужеземной жизни: Часы досуга / И.П. Хрущов (сост.). СПб., 1905; Сборник чтений по русской истории с древнейших времен до XVI века / И.П. Хрущов (ред.). СПб., 1907.

проникнуть «книга вредная». Общество ревнителей, по плану Рачинского, должно было пополнять церковные библиотеки книгами не только полезными, но и отвечающими местным нуждам. Так, «в полосах, выселяющих массы переселенцев», он предлагал комплектовать библиотеки Общества книгами о Сибири, о Средней Азии, «о переселенческом деле», а там, «где возникает какой-либо кустарный промысел, дополнять библиотеки книгами, к нему относящимися»⁷³. Другой вариант, разработанный Сипягиным и принятый советом Общества, предполагал не расширение существующих, а создание новых библиотек, право открытия и заведования которыми предоставлялось действительным членам Общества. Заведующие могли также брать на себя расходы по содержанию библиотек, поручая практическую работу в них своим уполномоченным⁷⁴. На практике план Сипягина передавал значительную часть библиотек в руки членов Общества из числа местных помещиков. При этом, однако, деятельность библиотек строго контролировалась исполнительным отделением Общества, а состав их книжных фондов унифицировался. Одинаковыми во всех библиотеках ревнителей должны были быть не только расходы (утвержденная советом смета отводила на устройство каждой библиотеки 133 рубля 45 копеек), но и подбор книг⁷⁵. Комплектовать библиотеки разрешалось только изданиями, включенными в каталог Общества ревнителей, составленный «применительно» к каталогу церковно-приходских школ. Предлагавшаяся Рачинским дифференциация исключалась, а заведующим библиотеками не разрешалось пополнять библиотеки по собственному усмотрению даже книгами, одобренными для народных читален министерством народного просвещения и училищным советом при Синоде: «Общество, — подчеркивалось в решении совета, — не может отказаться от проверки тех сочинений, которые предлагаются народу от его имени и под его ответственностью»⁷⁶. В результате, в 1899 году библиотеки ревнителей могли предложить своим читателям только 151 книгу и три периодические издания — «Досуг и Дело», «Сельский Вестник» и «Троицкие Листки»⁷⁷. Характерно, что первый раздел каталога библиотек ревнителей отводился книгам «духовно-нравственного содержания». Историческая литература насчитывала чуть более четверти всего состава библи-

⁷³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1420. Л. 10 об.

⁷⁴ Народные библиотеки Общества Ревнителей Русского Исторического Просвещения в Память Императора Александра III. Приложение № 2. Правила о бесплатных народных библиотеках Общества. СПб., 1899. С. 30.

⁷⁵ Деятельность отделений Общества за 1895–1899 года. С. 26.

⁷⁶ Отчет ОРРИП за 1900–1901 год. С. 7–8.

⁷⁷ Каталог бесплатных народных библиотек Общества ревнителей // Народные библиотеки общества ревнителей. СПб., 1899. С. 19–27.

отек и была представлена во втором разделе, называвшемся «история церковная и гражданская». В списке книг этого раздела «История государства Российского» Н.М. Карамзина соседствовала с «Историей Православной Церкви до разделения церквей» К.П. Победоносцева и «Общедоступной военно-исторической хрестоматией» К.К. Абазы, а большую часть раздела составляли рассказы и беседы по истории: «О святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище», «О смутном времени на Руси», «О Петре Великом», «О Суворове», «О севастопольцах»⁷⁸. Новейшая история была представлена в разделе тремя изданиями: брошюрой «Царь-Миротворец Александр III» Д.И. Ломана, сборником рассказов «Примеры из прошлой войны, 1877–1878» Л.М. Чичагова, а также брошюрой «17 октября 1888 года», посвященной спасению царской семьи во время железнодорожной катастрофы. Отдельно, в разделе «География и мироведение», крестьянским читателям предлагалось «Путешествие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича на Восток в 1890–1891 годах»⁷⁹. Издания, так или иначе связанные с более современной тематикой, были исключены из библиотек Общества.

Даже при таком ограниченном выборе эти библиотеки привлекали сельских читателей. Основываясь на отчетах, представленных к 1 января 1900 года 20 из 55 действовавших на этот период библиотек Общества, исполнительное отделение сообщало, что с момента создания в библиотеках побывало 9424 читателя, а число выданных книг и повременных изданий достигло 16 592⁸⁰. Отчеты за следующий, 1901 год, были присланы уже по 29 библиотекам и демонстрировали значительный рост числа как читателей (их количество составило за год 10 795 человек), так и выданной литературы (19 429 изданий). Общество с удовлетворением отмечало, что на долю взрослых читателей, в основном мужчин, приходилось две трети посетителей библиотек, а среди подростков «число мальчиков превышало число девочек весьма немного». Публикуя статистические данные по библиотекам, «Известия» Общества в тоже время обрисовывали тот идеальный тип крестьянского читателя, на которого ориентировались ревнители. Примером может служить заметка о библиотеке княжны Мещерской в селе Хотькове Сычѳевского уезда Смоленской губернии: книгами из этой библиотеки, сообщалось в «Известиях», «пользовался крестьянин, занимающийся чтением вслух на посиделках, при чем им было прочитано 12 томов “Истории Государства Российского” Карамзина, 28 книжек журнала “Досуг и Дело”,

⁷⁸ Каталог бесплатных народных библиотек... С. 21–23, 24.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Отчет ОРРИП за 1900–1901 год. С. 9.

20 выпусков “Троицких Листков” и 10 книжек приложения к “Сельскому Вестнику” — “Бог Помощь”⁸¹. Образ крестьянина, получающего от просвещенной помещицы книги, чтобы затем читать на посиделках тома исторических и морализаторских сочинений, вполне соответствовал идеям ревнителей о сельских библиотеках как бастионах защиты традиционного образа жизни деревни и устоявшихся сословных отношений. Проблема, однако, заключалась в том, что такой тип народного читателя исчезал. О появлении «мужика новейшей формации» писал совету Общества заведующий одной из немногих городских библиотек ревнителей в г. Болхове Орловской губернии. Доказывая необходимость открывать библиотеки общества не столько в деревнях, сколько в уездных центрах, он утверждал:

Уездный город очень авторитетен для мужика новейшей формации, патриархальность быта почти исчезла; появился тип шахтера и фабричного и уличные понятия местных центров приобретают с каждым годом все большее влияние на сельскую жизнь. Теперь все реже попадаются мужики прежнего закала, смотрящие на городскую суету всегда немного сверху вниз⁸².

О том же косвенно свидетельствовали и отчеты библиотек Общества. По их данным, периодические («повременные») издания читались охотнее, чем книги, а среди книг наибольшим спросом пользовались исторические романы А. Толстого, Загоскина и Лажечникова. Чтение книг религиозно-нравственного содержания, сообщалось в отчетах, «приурочивалось большей частью к посту»⁸³. Более того, отчеты фиксировали выражавшееся народными читателями «сожаление об отсутствии ежедневной газеты, из которой своевременно можно было бы узнать о текущих событиях»⁸⁴. Сторонники консервативного исторического «народовоспитания» оказались перед дилеммой, различные варианты решения которой предлагались уже не советом, а местными активистами Общества. Упомянувшийся ранее заведующий Болховской библиотекой настаивал, что библиотеки ревнителей не должны напоминать «епархиальную библиотеку в миниатюре» и предлагал расширить «беллетристический и исторический отделы», пополнить их «романами лучших писателей», а также обеспечить библиотеки журналами и газетами по выбору совета⁸⁵. В то же время сельский священник Московской губернии В. Востоков предлагал

⁸¹ Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 8.

⁸² Володимиров С. Сельские и городские народные библиотеки // ИОРРИП. 1900. № 2. С. 10.

⁸³ Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 8–9.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Володимиров С. Сельские и городские народные библиотеки. С. 10

«восполнить бедность народной исторической литературы корпоративным трудом» священников и учителей: им предлагалось взять на себя организацию популярных религиозно-исторических чтений. Из таких чтений в дальнейшем Востоков надеялся составить общедоступный курс «Русской церковно-народной истории»⁸⁶. Руководство общества попыталось следовать обоим предложениям: с одной стороны, была создана комиссия по подготовке дополнительного каталога библиотек ревнителей, с другой — дано разрешение на организацию первого народного чтения Общества⁸⁷.

Результаты чтения, проведенного в Бежецке местным священником Иоанном Хильтовым по статье одного из учредителей Общества протоиерея П.А. Смирнова «Завет Царя-Миротворца», оказались впечатляющими — «Известия» Общества сообщали об этом следующим образом:

Чтение это было встречено местным населением очень сочувственно: обширная зала земского дома, могущая вместить более тысячи слушателей, оказалась настолько переполненной, что многие желающие не могли проникнуть в нее. В устройстве народных чтений Отдел встречает сочувственное содействие местной городской управы, которою приобретены фонарь для туманных картин и книги, содержащие предназначенные для прочтения статьи⁸⁸.

Под влиянием успеха Бежецкого отдела Общества еще один, Тульский отдел предложил организовывать «передвижные систематические чтения по русской истории», а в «Известиях» Общества появился раздел «Опыт народного исторического чтения»⁸⁹. Идея была поддержана Сипягиным, предложившим разработать правила Общества о бесплатных народных чтениях; в мае 1901 года такие правила были утверждены советом Общества⁹⁰. В отчете Бежецкого отдела за 1902 год речь шла уже о четырех чтениях на темы: «Об императоре Александре III»; «О церкви Христовой со времен Апостолов до Константина Великого»; «О Суворове» и «О Священном Короновании их Величеств». Отчеты отделов Общества не оставляли сомнения в том, что организация народных чтений контролировалась местным духовенством. В том же Бежецке, где чтениям уделялось особое внимание, ими заведовал о. Хильтов, его помощником был преподаватель Бежецкого духовного училища Н.П. Плотников, а средства на организацию чтений были пожертвованы действительным членом Общества, протоиереем

⁸⁶ Востоков В. Письмо сельского священника к членам ОРРИП. С. 10–12.

⁸⁷ Отчет ОРРИП за 1900–1901 год. С. 7–8.

⁸⁸ Отчет ОРРИП за 1899–1900 год. С. 8; Рачинский С. Письмо в редакцию // Там же. С. 28.

⁸⁹ Востоков В. Красное Солнышко земли Русской (Очаг народного исторического чтения) // ИОРРИП. 1902. № 4. С. 40–44.

⁹⁰ Отчет ОРРИП за 1900–1901 год. С. 4.

Кронштадтского Андреевского собора о. Иоаном Сергеевым (знаменитым Иоанном Кронштадтским). «Чтения, — сообщалось в отчете отдела, — вызвали столь большой интерес в местном населении, что зал, где они происходили, едва мог вместить всех желающих»⁹¹. Характер проведения чтений Общества свидетельствовал, однако, что их организаторы ориентировались уже не на «грамотников», а на неграмотное население деревень и городских окраин. Использование простых, предназначенных для чтения вслух или устного изложения текстов, а также «фонаря для туманных картин» позволяло «изображать» исторические события и не требовало «высшей грамотности». Такая форма народных чтений, сложившаяся в 1880-е годы, когда их организацией занимались преимущественно епархиальные училищные советы, в начале 1900-х уже воспринималась как устаревшая. С принятием в 1901 году новых правил о народных чтениях, определявших последние как одно из средств начального обучения, теоретиками внешкольного образования разрабатывалась уже идея о постепенном превращении народных чтений в научные лекции; такие чтения должны были служить «преддверием к народному университету»⁹².

В то же время устаревшая форма народных чтений, использовавшаяся в практике ревнителей, не только соответствовала охранительным задачам Общества, но и обладала преимуществом массовости. Успех народных чтений стимулировал появление новых практических идей. Одной из них стало предложение организовывать спектакли и представления исторического содержания, «призванные знакомить народ с историческими судьбами его Родины»⁹³. Другая идея была выдвинута Тифлисским отделом Общества, предлагавшим использовать читальни-витрины, устанавливаемые в оградах церквей и «местах наиболее людных и посещаемых массою народа». Особое значение придавалось их использованию в сектантских селениях и поселках русских крестьян-переселенцев.

Такие библиотеки в среде новоселов, перешедших от обычной обстановки русской деревни к условиям еще очень мало знакомой им стороны служили бы им нравственную связь с родиною и поддержкой в новом положении в крае, не всегда на первых порах гостеприимно встречающем этих истинных проводников русских задач», —

полагали руководители тифлисского отдела⁹⁴. В ряд этих предложений логически вписывалось и упомянутое в начале статьи обращение в совет Об-

---

⁹¹ Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 9.

⁹² Леонтьев Т.В. Народные чтения. Пг., 1919. С. 13.

⁹³ Деятельность отделений Общества за 1895–1899 года. С. 28; Отчет ОРРИП за 1900–1901 год. С. 4.

⁹⁴ Отчет ОРРИП за 1901–1902 год. С. 11.

щества с предложением использовать название станции для пробуждения народного интереса к историческому прошлому. Открытие ревнителями потенциала визуализации и новых способов использования давно известных средств, позволяющее сделать историческое просвещение массовым, не осталось незамеченным. В протоколах совета Общества за январь 1912 года отмечено слушание письма от земского начальника Богучарского уезда Воронежской губернии Ждановича «о возможной помощи со стороны общества в историко-патриотическом просвещении местного населения»⁹⁵.

Разрабатывая новые практики исторического просвещения, ревнители расширяли и разнообразили «инструментарий убеждения» консервативно-исторического нарратива. Проблема заключалась в том, что, тщательно выстраивая охранительный нарратив и конструируя образ идеальной сословной монархии в годы, когда реальная монархия находилась на пороге краха, ревнители создавали иллюзию, «оградить» которую они не могли при всем разнообразии освоенных ими средств.

Заключение

Общество ревнителей русского исторического просвещения было не единственным, но, как писал позднее Шереметев, «старейшим по времени» консервативным историко-просветительским обществом⁹⁶. Подобные объединения, возникавшие в последующие годы, как правило, ставили перед собой более конкретные задачи. Русское военно-историческое общество видело свою цель в организации библиотек в воинских частях, упорядочении военных архивов и проведении раскопок на полях сражений⁹⁷. Общество ознакомления с историческими событиями России «содействовало» постановке спектаклей исторического содержания и первым попыталось начать практику «изготовления исторических кинемо-картин»⁹⁸. Общество ревнителей истории, появившееся через пятнадцать лет после основания Общества ревнителей русского исторического просвещения, занималось организацией выставок, а позднее — созданием народного военно-исторического музея⁹⁹. Эти общества, за редким исключением, скорее соперничали, чем сотрудничали между собой. Тем не менее, для всех этих обществ была ха-

⁹⁵ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 12. Л. 17.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4126. Л. 43 об.

⁹⁷ Кочетков А. Русское военно-историческое общество (1907–1914) // Военно-исторический журнал. 1965. № 9. С. 94–99

⁹⁸ Краткий обзор деятельности общества ознакомления с историческими событиями России за 1911–1912 годы. М., 1913, С. 3, 18–19.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2168 (Общество ревнителей истории). Оп. 1. Д. 9, 18.

рактерна постановка задачи научного просвещения масс. Ставя своей целью распространение исторических знаний, консервативные просветители не в меньшей степени, чем их либеральные соперники становились частью явления культурной модернизации, модерности (modernity), характерного для России на рубеже веков. Дэвид Хоффман в статье, посвященной анализу модерности как явления общеевропейской и русской истории отмечал в качестве главного ее признака «рационалистический этос прогрессивного социального вмешательства». Модерность, согласно такому подходу, характеризуется абсолютизацией научности как основополагающей нормы деятельности общественных институтов и одновременно возникновением массовой политики, а следствием взаимодействия научности и массовости становится «изобретение традиции»¹⁰⁰. Консервативные историко-просветительские общества, создававшие в своей деятельности репертуар практик исторического просвещения и искусно манипулировавшие самим этим понятием, играли важную роль в «изобретении традиции», поддерживающей и одновременно изменяющей образ монархии последних лет ее существования.

---

¹⁰⁰ Hoffman D.L. European Modernity and Soviet Socialism // Hoffman D.L., Kotsonis Y. Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices. Palgrave Macmillan, 2000. P. 246, 247.